

Сергей Николаевич Шубинский

**Очерки из жизни и быта
прошлого времени**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Ш95

Ш95 **Шубинский С.**
Очерки из жизни и быта прошлого времени / Сергей Николаевич Шубинский –
М.: Книга по Требованию, 2025. – 174 с.

ISBN 978-5-521-38693-2

ISBN 978-5-521-38693-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2025

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2025

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

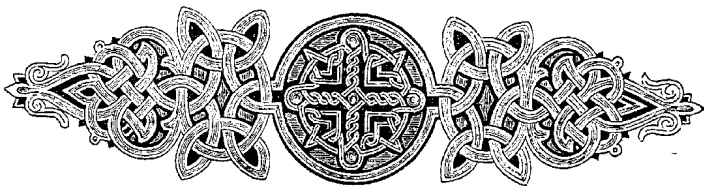
Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ЛѢТНІЙ САДЪ И ЛѢТНІЯ ПЕТЕРБУРГСКІЯ УВЕСЕЛЕНІЯ ПРИ ПЕТРѢ ВЕЛИКОМЪ.

Существуетъ преданіе, что одинъ англичанинъ, большой чудакъ и любитель художествъ, услышавъ рассказы о необыкновенной красотѣ рѣшетки Лѣтняго сада, нарочно отправился въ Петербургъ, чтобы собственными глазами убѣдиться въ справедливости такихъ похвалъ. Осмотрѣвъ рѣшетку и сознавшись, что не былъ обманутъ въ своихъ ожиданіяхъ, флегматическій британецъ тотчасъ же вернулся на свой корабль и уѣхалъ обратно въ Лондонъ. Преданіе это, конечно, есть ничто иное, какъ выдумка; тѣмъ не менѣе нельзя не согласиться, что рѣшетка Лѣтняго сада заслуживаетъ особеннаго вниманія: изящество рисунка, качество матерьяловъ, блестящія колонны, изсѣченныя изъ дѣльнаго гранита и украшенныя по верхамъ такими же урнами, яркая позолота стрѣлъ и колець, дѣлають рѣшетку эту однимъ изъ красивѣйшихъ произведеній искусства. Она начата, по повелѣнію императрицы Екатерины II, въ 1778 г., и окончена въ 1784 году.

При Петрѣ I, Лѣтній садъ былъ весьма обширенъ, занимая все пространство между Мойкою и Фонтанкою, отъ Невы до Невскаго проспекта ¹⁾. Онъ разведенъ въ 1711 году, по плану, нарисованному самимъ государемъ, въ голландскомъ вкусѣ, что можно заключить изъ множества прямыхъ аллей, пересѣкаемыхъ тупыми и острыми углами. У самой Невы, на мѣстѣ нынѣшней набережной, были выстроены три длинныя деревянныя галлерей,

¹⁾ При императорѣ Павлѣ отъ Лѣтняго сада отрѣзана значительная часть для постройки теперешняго Инженернаго замка, отчего садъ раздѣлился на верхній и нижній. Послѣдній отошелъ, въ 1824 г., къ Михайловскому дворцу.

со спусками къ водѣ; въ средней стояла на высокомъ пьедесталѣ, превосходная, хотя и немного попорченная отъ долгаго лежанія въ землѣ, мраморная статуя Венеры. Петръ купилъ эту статую у папы за три тысячи скуди и такъ дорожилъ ею, что во время народныхъ гуляній всегда приказывалъ ставить къ ней часового. Отъ средней галлерей, вдоль всего сада, шла главная, весьма широкая аллея, обсаженная липами, кленомъ и акаціей и уставленная дерновыми скамьями. Въ ней были сдѣланы двѣ площадки, съ красивыми фонтанами, бившими довольно высоко; вода въ ихъ бассейны приводилась изъ Лебяжьяго канала посредствомъ большой колесной машины. Первая площадка называлась дамской, потому что здѣсь обыкновенно, въ жаркіе дни, сиживала императрица съ своими дамами; вторая носила названіе шкиперской и была любимымъ мѣстомъ Петра. Вправо отъ этой послѣдней площадки стояла съ покрытымъ лицомъ статуя Вѣры, у подножія которой со всѣхъ сторонъ была вода. Влѣво находился огромный птичникъ, гдѣ множество разнообразныхъ птицъ частью расхаживали свободно, частью были заперты въ поставленныхъ вокругъ клѣткахъ. Тутъ были орлы, черные аисты, попугаи, фазаны и другія рѣдкія породы пернатыхъ. Здѣсь же, впрочемъ, содержались и нѣкоторыя четвероногія животныя: медвѣди, волки, шакалы, олень, серны, синія лисица, большой ёжъ и проч. Звѣри тихаго нрава часто выпускались гулять по всему саду; изъ нихъ особенно была забавна одна серна: она любила слушать музыку, ласкаясь ко всѣмъ, ѣла и пила изъ рукъ и умѣла прыгать въ обручъ. Противъ птичника былъ устроенъ, въ видѣ водопада, мраморный фонтанъ, украшенный вызолоченными сосудами, обсаженный цвѣтами и кустарникомъ и обведенный рѣзной дубовой рѣшеткой; а сзади его — оранжерея и небольшой высокій домикъ, весьма затѣливой архитектуры, гдѣ содержались египетскіе голуби. На другой сторонѣ шкиперской площадки, недалеко отъ статуи, стояла, въ кущѣ деревьевъ, маленькая бесѣдка, окруженная водой; въ ней всегда проводилъ время Петръ, когда желалъ остаться одинъ, или когда хотѣлъ напоить когонибудь пьянымъ, потому что уйти отсюда не было никакой возможности, какъ скоро отчаливали англійскій ботикъ, на которомъ совершалась переправа къ бесѣдѣ. Здѣсь, на водѣ, плавало большое количество разнообразныхъ гусей и утокъ; онѣ были очень ручны и на зовъ подплывали къ корму. По берегу, вокругъ, стояли крошечные домики, куда эти птицы запирались на ночь. Тутъ же находился раскрашенный и вполнѣ

оснащенный корабликъ; на немъ иногда потѣшались царскіе карлы. Далѣе, вправо отъ бесѣдки, стояла большая, сплетеная изъ стальной проволоки, кѣтка съ круглымъ верхомъ, наполненная всякаго рода маленькими птицами, которыя цѣлыми группами летали или садились на посаженные внутри деревца. Еще далѣе, влѣво, находился обширный гротъ, обложенный снаружи безчисленнымъ множествомъ разноцвѣтныхъ и дорогихъ раковинъ. Въ немъ были поставлены стулья и диваны, на которыхъ посѣтители могли отдыхать и прохладжаться. Передъ гротомъ, на большомъ очищенномъ квадратномъ лужкѣ, были размѣщены искусно выбитыя изъ мѣди и олова фигурныя изображенія езоповыхъ басенъ, съ написанными внизу ихъ толкованіями каждаго. Императоръ любилъ собирать здѣсь гуляющихъ и самъ объяснялъ имъ смыслъ изображенныхъ басенъ. Отъ грота, вплоть до дворца, тянулась дубовая, довольно тѣнистая роца, почти вся насаженная собственными руками государя. Самый дворецъ уцѣлѣлъ до настоящаго времени, съ нѣкоторыми позднѣйшими прибавленіями, почти въ томъ видѣ, въ какомъ былъ и при Петрѣ. Первоначально онъ былъ построенъ безъ всякихъ украшеній, по образцу простаго домика; но въ 1714 году царь приказалъ совершенно его передѣлать. Наружныя стѣны дворца были оштукатурены и выбѣлены, наличники у оконъ и дверей обиты планками, а надъ окнами сдѣланы барельефы; карнизъ, архитравъ и фризъ подъ орнаментомъ выкрашены желтой краской; кровля покрыта бѣлыми желѣзными листами крестообразно; по угламъ ея поставлены четыре жестяные дракона, а наверху флюгеръ съ мѣднымъ вызолоченнымъ конемъ. Въ обоихъ этажахъ дворца расположено по одиннадцати комнатъ; стѣны ихъ покрыты выбѣленною холстиною и обнесены филанчевыми панелями съ разными фигурами, а на потолкахъ вставлены разныя аллегорическія картины, въ рамкахъ лѣпной работы; двери сдѣланы изъ орѣховога и дубоваго дерева, съ рѣзными украшеніями, надъ которыми не мало трудился самъ государь. Стѣны кухни, равно и всѣ печи, выложены разноцвѣтными глазированными изразцами. Передъ главнымъ фасадомъ разбитъ небольшой цвѣтникъ, окруженный рѣшеткою¹⁾. Къ западу отъ дворца, на противоположномъ концѣ

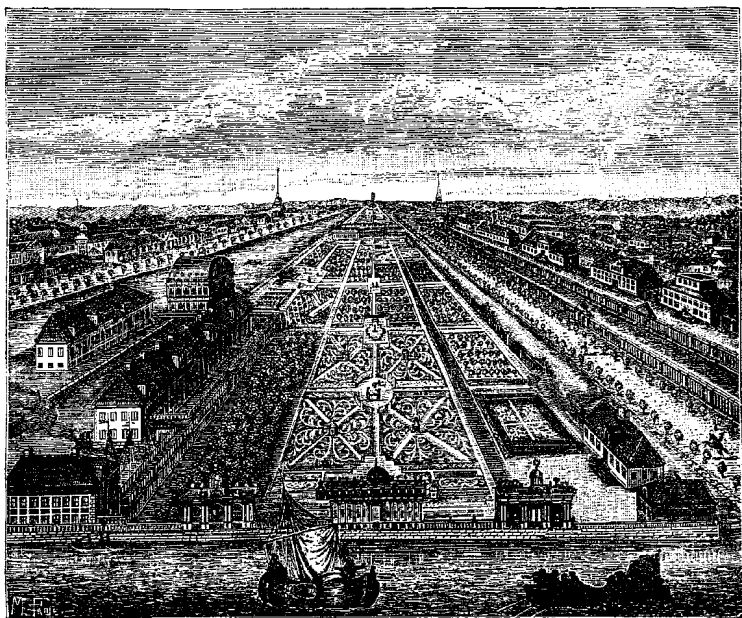
¹⁾ Изъ вещей, бывшихъ во дворцѣ при Петрѣ, въ настоящее время сохранились только слѣдующія: 1) Большіе стѣнные часы, поставленные въ нижнемъ этажѣ въ кабинетѣ, которые, какъ утѣряютъ, куплены самимъ государемъ въ Голландіи. Часы эти въ орѣховомъ футлярѣ съ тремя мѣдными, висеребранными циферблатами показывающими: первый—часы, второй—вѣтры, третій—состояніе воздуха. 2) Шкафъ

сада, былъ вырытъ въ 1716 году каналъ, отдѣлившій садъ отъ Царицына луга, на которомъ, какъ и теперь, производились смотры и парады. Невдалекѣ отъ него, по берегу Невы, гдѣ теперь Мраморный дворецъ, стоялъ двухъ-этажный, мазанковый, одѣтый снаружи плоскимъ камнемъ „Почтовый“ домъ. Въ немъ жили почтмейстеръ и нарочно выписанный изъ Данцига трактирщикъ, который былъ обязанъ, за деньги, кормить и давать помѣщеніе пріѣзжающимъ въ Петербургъ. Въ этомъ же домѣ царь давалъ иногда асамблеи и дѣлалъ угощенія, по случаю разныхъ торжествъ; тогда всѣ квартиранты должны были выбираться отсюда. Противъ самаго Почтового дома находилось особенное зданіе, гдѣ помѣщался приведенный въ первый разъ въ Россію въ подарокъ отъ персидскаго шаха слонъ. Армянинъ, сопровождавшій слона, рассказывалъ, что когда онъ прибылъ съ нимъ въ Астрахань, то животное это возбудило въ окрестныхъ жителяхъ такое любопытство, что многіе сотни народа, взявъ съ собою мѣшки съ съѣстными припасами, провожали слона сорокъ и болѣе верстъ. По смерти его, въ зданіи былъ поставленъ извѣстный готторпскій глобусъ, подаренный Петру голштинскимъ герцогомъ. Машину эту привезли въ Петербургъ съ большими затрудненіями, потому что, по огромности ея, нужно было расчищать новыя дороги и прорубать лѣса, при чемъ многіе изъ рабочихъ лишились жизни. Глобусъ имѣлъ семь съ половиною сажень въ поперечникѣ; наружная поверхность его, сдѣланная изъ бумаги, наклеенной на мѣдъ, и искусно разрисованная перомъ и раскрашенная, представляла землю; а внутренняя изображала багряное небо съ созвѣздіями обоихъ полукружій, означенными золотыми звѣздочками. На лицевой сторонѣ шара находилась латинская надпись, гласившая, что „свѣтлѣйшій и высочайшій герцогъ голштинскій, Фридрихъ, изъ любви къ математическимъ наукамъ, приказалъ, въ 1654 году, начать сооруженіе этого шара, которое продолжалъ наслѣдникъ его, вѣчно достойный памяти, герцогъ Христианъ-Альбертъ, и окончилъ, въ 1661 году, подъ руководствомъ Олеарія“. Внутри глобуса стояли столъ и скамьи, на которыхъ могли свободно помѣщаться двѣнадцать человекъ;

орѣховаго дерева, сдѣланный самимъ Петромъ; въ него, по преданію, императоръ пряталъ всегда свое бѣлье и ботфорты. 3) Двѣ рамы съ жестяными переплетами, также работы Петра; одна вѣшана въ стѣнѣ коридора, а другая хранится въ особой комнатѣ наверху. 4) Три стула и одно кресло простаго дерева, съ камышевою отдѣлкою, окрашенные желтою краскою, составлявшіе часть мебели въ кабинетѣ императора.

глобусъ приводился въ движеніе особымъ механизмомъ, придѣланнымъ къ столу. Въ 1724 году, изъ Персіи привели новаго слона и помѣстили его въ жилищѣ прежняго, а глобусъ былъ перевезенъ въ кунсткамеру ¹⁾).

Передъ Царицынымъ лугомъ, гдѣ нынѣ казармы лейбъ-гвардіи Павловскаго полка, находился домъ герцога голштинскаго, женившася впоследствии на дочери Петра — Аннѣ. Рядомъ жилъ извѣстный составитель воинскаго устава, генераль Вейде; домъ

Лѣтній садъ и дворецъ при Петрѣ Великомъ.

Съ гравюры Зубова 1716 года.

его былъ каменный и одинъ изъ лучшихъ въ описываемой мѣстности. Въ настоящее время, изъ старинныхъ зданій, здѣсь уцѣлѣлъ только домъ, принадлежавшій лейбъ-медику и любимцу императрицы Елисаветы Петровны — Лестоку. Когда послѣдній впалъ въ немилость, то его судилъ фельдмаршалъ Степанъ Федоровичъ Апраксинъ. Имѣніе Лестока было конфисковано, а домъ подаренъ Апраксину. На площади, между Почтовымъ домомъ и

¹⁾ Въ 1747 году, пожаръ истребилъ эту рѣдкость; вмѣсто нея сдѣланъ другой глобусъ, нѣсколько менѣе перваго.

Лѣтнимъ садомъ, Петръ намѣревался воздвигнуть свою собственную статую, на конѣ, вышиною въ 54 фута. Модель ея была сдѣлана, въ 1724 году, графомъ Растрелли, такъ же какъ и модель колонны, на которой, подобно Траяновой, въ Римѣ, предполагалось изобразить побѣды царя.

При Петрѣ въ Лѣтнемъ саду почти каждую недѣлю происходили гулянья, на которыя были обязаны являться, безъ исключенія, всѣ петербургскіе жители высшаго и средняго сословія. Общественными развлечениями Петръ надѣялся скорѣе всего измѣнить нѣкоторыя устарѣлыя формы русскаго семейнаго быта, ввести простоту и безцеремонность въ отношеніяхъ между мужчинами и женщинами и смягчить грубость и полудикость тогдашнихъ нравовъ. Понятно, что общество, двинутое впередъ противъ воли и желанія, не могло сразу отрѣшиться отъ своихъ стародавнихъ обычаевъ и, заимствовавъ лишь наружный лоскъ европейской свѣтскости, продолжало еще сохранять предрасудки и преданія старины. Поэтому, во всѣхъ общественныхъ развлеченияхъ петровскаго времени видна какая-то странная смѣсь натянутого нѣмецкаго этикета съ разгуломъ прежняго барства, часто оскорбляющаго не только чувство простого приличія, но и человѣческаго достоинства. Главнѣйшимъ условіемъ тогдашнихъ празднествъ было пьянство, доведенное до послѣдней степени, слѣдовательно со всѣми послѣдствіями, которыя сопровождаютъ его у людей неразвитыхъ, пріученныхъ давать волю своимъ животнымъ инстинктамъ. Мы опишемъ здѣсь только лѣтнія увеселенія петровскаго двора, состоявшія изъ гуляній въ саду, катаній по Невѣ, спусковъ кораблей и нѣкоторыхъ другихъ торжествъ, происходившихъ иногда, по случаю какого нибудь важнаго событія.

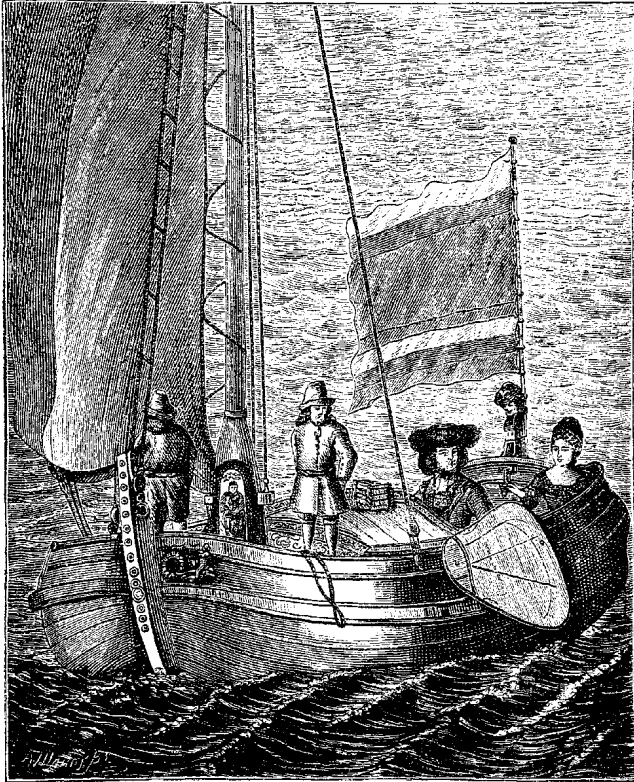
Въ назначенный для гулянья въ саду день, на одномъ изъ бастіоновъ Петропавловской крѣпости, съ утра, выставлялся желтый флагъ съ изображеніемъ орла, державшаго въ когтяхъ четыре моря. Въ пятомъ же часу пополудни производилось нѣсколько пушечныхъ выстрѣловъ. По послѣднему сигналу, всѣ чиновныя особы, дворяне, канцелярскіе служители, корабельные мастера и даже иностранные матросы должны были спѣшить въ садъ. Посѣтители, большею частью, пріѣзжали въ лодкахъ и, привязавъ ихъ къ кольямъ на берегу Невы, взбирались по узкой тропинкѣ къ средней галлерей, гдѣ уже находилась императрица и великія княжны, которыя, держась стариннаго правила, встрѣчали гостей и подносили почетнѣйшимъ изъ нихъ по

чаркѣ водки или стакану вина. Откланявшись государынѣ, посѣтители отправлялись привѣтствовать государя, сидѣвшаго на своемъ обычномъ мѣстѣ, у фонтана на скиперской площадкѣ, за столомъ, уставленнымъ табакомъ, трубками, стаканами и бутылками съ виномъ. Желая подать собою примѣръ непринужденности и простоты въ обращеніи, императоръ, отбросивъ всякій этикетъ, обходился со всѣми, какъ съ равными. По приглашенію его нѣкоторые изъ гостей садились играть съ нимъ въ шашки или бесѣдовать, а остальные разсыпались по аллеямъ, осматривали звѣринецъ и птичникъ, или шли на Царицынъ лугъ слушать музыку, состоявшую изъ нѣсколькихъ трубъ, фоготовъ, валторнъ, гобоевъ и литавръ. Капельмейстеръ изъ солдатъ, ради порядка и большей вѣрности, билъ тактъ въ огромный турецкій барабанъ и нерѣдко считалъ четверти, отчего и самъ не всегда попадалъ въ темпъ. Впрочемъ, расположеніе къ музыкѣ было такъ незначительно, что публика обращала все свое вниманіе только на ловкость и дѣйствительность мѣръ распорядительнаго капельмейстера, да и слушателей бывало весьма немного... Въ шесть часовъ, являлись въ садъ нѣсколько гвардейскихъ солдатъ съ носилками, на которыхъ былъ поставленъ огромный ушатъ, наполненный простымъ виномъ. Обходя посѣтителей, солдаты подносили каждому ковшъ, величиной съ большой стаканъ и просили выпить за здоровье царя. Отказывавшійся почему либо принять ковшъ былъ принуждаемъ къ тому насильно маюрами гвардіи, нарочно для этой цѣли слѣдовавшими за ушатомъ. Даже дамы не были изъяты отъ такой, крайне непріятной, обязанности, потому что сама императрица прежде всѣхъ брала ковшъ и отпивала изъ него нѣсколько глотковъ вина. Затѣмъ садъ запирался и никто изъ гостей не могъ уже съ этой минуты покинуть собраніе безъ личнаго на то позволенія царя. Въ боковыхъ галлерейхъ накрывались столы съ разными холодными закусками, напитками и сластями, а въ отдаленныхъ аллеяхъ ставились бочки съ пивомъ и водкой. Съ наступленіемъ вечера, садъ освѣщался разноцвѣтными фонарями и начинались танцы на дамской площадкѣ, а въ дурную погоду въ средней галлерей. Всѣ умѣвшіе танцевать заблаговременно занимали мѣста на скамьяхъ, окружавшихъ площадку. Танцы заключались въ польскихъ и англійскихъ контрдансахъ. Отличительный характеръ первыхъ состоялъ въ надутой степенности, важномъ выраженіи лицъ, гордой поступи, въ неловкомъ шарканьи и фигурной осанкѣ танцоровъ; во вторыхъ—замѣтны были полусмѣшная развязность и странное прыганье;

каждая пара дѣлала свои фигуры и почти каждое лицо танцовало по-своему. Дамы были приглашаемы тремя церемоніальными, низкими поклонами съ шарканьемъ въ обѣ стороны; учтивости эти производились кавалерами въ приличномъ отдаленіи. Окончивъ танецъ, кавалеръ почтительно цѣловалъ у своей дамы руку, къ которой едва смѣлъ дотрогиваться концомъ пальцевъ, и провожалъ ее къ мѣсту, послѣ чего церемоніально раскланивался. Во время танцевъ дамы были угощаемы чаемъ, кофеемъ, медомъ и миндальнымъ молокомъ; лимонадъ, оршадъ и въ особенности шоколадъ считались рѣдкостью и подавались только на торжественныхъ пирахъ. Что касается мужчинъ, то имъ непрерывно подносили пиво и вино, такъ что къ концу вечера большая часть ихъ непремѣнно напивалась до-пьяна. Гулянье заключалось обыкновенно фейерверкомъ или, какъ его называли тогда, „огненною потѣхою“, сожигаемою подъ руководствомъ самого царя, на судахъ, расположенныхъ по Невѣ. Послѣ фейерверка ворота сада отпирались и посѣтители могли расходиться по домамъ.

Любимою забавою Петра было катанье на лодкахъ. Въ то время на Невѣ не существовало ни одного моста. Государь роздалъ всѣмъ петербургскимъ жителямъ, для переправы, суда, написавъ собственноручно инструкцію, какъ ими управлять. Первокласснымъ вельможамъ было подарено по яхтѣ, по буеру и по двѣ шлюпки, одной въ двѣнадцать, другой въ четыре весла. Прочимъ жителямъ менѣе, смотря по чинамъ. Каждый былъ обязанъ содержать свои суда въ цѣлости и отвѣчать за нихъ. Въ назначенный для катанья день, выставляли въ четырехъ концахъ города флаги; всѣ суда, принадлежавшія придворнымъ лицамъ, подъ опасеніемъ „жестокаго“ штрафа, должны были, къ извѣстному часу, собираться близъ крѣпости, у австеріи четырехъ фрегатовъ, неподалеку отъ нынѣшняго Троицкаго моста. По пушечному выстрѣлу вся флотилія выступала въ походъ. Адмиралъ Апраксинъ открывалъ шествіе на богатоубранной яхтѣ, имѣвшей, для отличія, на кормѣ флагъ изъ краснаго и бѣлаго цвѣтовъ. Никто не смѣлъ ни опережать его, ни уѣхать безъ его позволенія. Потомъ слѣдовала императорская шлюпка, гдѣ находились государыня и великія княжны; рулемъ правилъ самъ Петръ, одѣтый въ бѣлое матросское платье. За этой шлюпкой плыли остальные, безъ разбора. На нѣкоторыхъ лодкахъ ставились качели. Знатные господа брали съ собою музыку. Большая часть судовъ были вызолочены, украшены рѣзьбою и внутри обиты зеленымъ или краснымъ бархатомъ. Катанья обыкновенно окан-

чивались у загородныхъ дворцовъ Екатерингофа или Стрѣльны. Тамъ всякій разъ уже были готовы закуски. Гуляющіе, вышедъ на берегъ, ужинали, ходили по рощамъ и съ наступленіемъ вечера тѣмъ же порядкомъ возвращались въ городъ. Иногда предпринимались и дальнѣйшія поѣздки, въ Петергофъ, Кронштадтъ и даже Ревель. Безпрестанная пальба и громъ музыки оглашали

Петръ и Екатерина, катающіеся по Невѣ.

Съ гравюры Зубова 1716 года.

воздухъ во время пути. Случалось нерѣдко, что забавы эти имѣли несовсѣмъ пріятныя послѣдствія. Не говоря уже, что многія дамы долго не могли привыкнуть къ плаванію въ открытомъ морѣ, неумѣнье управлять судами во время бури приводило въ страхъ и часто подвергало опасности гуляющихъ. Подобный случай былъ, напримѣръ, въ маѣ 1714 года. Тогда находился въ

Петербургѣ посланникъ бухарскаго хана Гаджи-Магомета. Царь пригласилъ его принять участіе въ увеселительномъ путешествіи въ Кронштадтъ. По неопытности рулевого, шнява, на которой сидѣли посланникъ, канцлеръ графъ Головинъ и нѣсколько сенаторовъ, попала между мелей. Пока было тихо, опасность была невелика; но къ ночи поднялась сильная буря; разбило шлюпку, привязанную сзади, оторвало якорь и бросило судно на камни. Посланникъ, никогда до того не бывавшій въ морѣ, дрожалъ отъ страха; но потомъ, видя, что нѣтъ надежды на спасеніе, закутался въ шолковый плащъ, легъ на палубѣ и приказалъ своему муллѣ стать на колѣни и читать громко молитвы изъ корана. Къ счастью, буря скоро утихла и присланные отъ царя галеры сняли шняву съ мели и благополучно привели въ Кронштадтъ.

Закладки и спуски кораблей сопровождались всегда веселымъ и разгульнымъ пиромъ, для котораго царь выдавалъ всякій разъ изъ собственной казны по тысячѣ рублей. Въ день закладки или спуска, по пушечному выстрѣлу изъ крѣпости, всѣ отправлялись въ адмиралтейство. Въ первомъ случаѣ, „главный корабельный мастеръ“, Иванъ Михайловичъ Головинъ, вбивалъ въ киль гвоздь и мазалъ его смолою. За нимъ дѣлалъ то же самое царь и прочіе корабельные мастера. Въ теченіе этой работы изъ адмиралтейства производилась непрерывная пушечная пальба. Окончивъ закладку, императоръ, со всею фамиліею и присутствовавшими, уходилъ въ флагманскую залу, стѣны и потолокъ которой были увѣшаны взятыми у шведовъ знаменами. Здѣсь ждалъ посѣтителей сытный обѣдъ, послѣ чего всѣ съѣзжались къ генералъ-адмиралу графу Апраксину, чтобы за кубкомъ вина пожелать благополучнаго окончанія начатому дѣлу. Во время корабельныхъ спусковъ, до совершенія молебствія на новопостроенномъ суднѣ, Петръ, одѣтый въ богатый,шитый золотомъ адмиральскій мундиръ, съ андреевской лентой черезъ плечо, взявъ топоръ, подрубалъ одну изъ корабельныхъ подпорокъ. Лишь только корабль касался воды, воздухъ оглашался звуками трубъ и литавръ, пушечными выстрѣлами и громкимъ крикомъ народа, тѣснившагося по обоимъ берегамъ Невы. Когда якорь былъ брошенъ, царь съ своимъ семействомъ прежде всѣхъ входилъ на корабль и привѣтствовалъ каждаго приходившаго къ нему съ поздравленіями поцѣлуями въ голову; и императрица, и великія княжны подносили гостямъ по рюмкѣ вина. Между тѣмъ, въ каютахъ накрывались столы, въ верхнихъ для дамъ,